

АНДЖЕЛА СЛЭТТЕР

КАК
УПРАВЛЯТЬ
ПЕРЕМЕНАМИ

Часть сборника: Неприкаянные письма (сборник)

Анджела Слэттер

Как управлять переменами

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(0)-44

Слэттер А.

Как управлять переменами / А. Слэттер — «Эксмо», 2015

Анджела Слэттер удостоена Мировой премии фэнтези, пяти австралийских премий «Ауреалис» за произведения фантастических жанров, она единственная из австралийцев, получившая Британскую премию фэнтези. Выпустила в свет шесть сборников рассказов – в том числе Sourdough & Other Stories («Закваска и другие рассказы»), The Bitterwood Bible and Other Recountings («Биттервудская Библия и другие повествования»), получила степень доктора философии, писательскую стипендию Квинсленда, ведет работу независимого редактора и временами обучает писательскому мастерству. Ее повести «О скорби и таком («Tor.com»)) и «Потрошитель» (включены в «Ужасологию» издательства «Джо Флетчер букс») были напечатаны в 2015 году, то же издательство выпустит в свет ее первый роман, Vigil («Бдение»), и собирается издать его продолжение, CorpseLight («Трупный свет»). Она пишет в блогах обо всем блестящем, что привлекает ее взгляд, в www.angelaslatter.com, а найти ее можно в Твиттере по @AngelaSlatter.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(0)-44

© Слэттер А., 2015
© Эксмо, 2015

Анджела Слэттер

Как управлять переменами

«Центр перераспределения почты» – так теперь полагалось Эве называть это. Ей был ненавистен вид такой надписи на ярлыках, которые она штемпелевала в подсобке. «Перемены – вот единственная постоянная», – любил бормотать вполголоса ее отец в тех редких случаях, когда решал, что мудрость потребна. В те редкие случаи, когда он бывал дома.

Эва предпочитала старое название.

«Канцелярия мертвых писем» – это, казалось, волновало больше, в этом было больше поэзии, сущности. Как будто она имела дело с предметами искусства, ископаемыми, вещами, в которых некогда пульсировала энергия возложенной на них задачи: переносить сообщения от одного человека к другому. И она была звеном в цепи, что опекала их, пусть всего лишь маленьким звеньшком. Смотритель, патологоанатом, старающийся докопаться, что помешало письмам сделать свое дело, можно ли хотя бы некоторым из них дать еще один шанс: возможно, цифры в индексе перепутаны, не указан адрес пересылки, почтовый сбор не оплачен – глупые пустячки, какие легко исправить, если она немного в том покопается. М-р Бурсток то и дело указывает, что это не ее дело: «Просто шлите их к специалистам».

Что бы ни приходилось ей отсылать в белфастский ЦПП, всегда возникало ощущение поражения: это низводило ее до гробовщика, неспособного делать ничего другого. И всегда воспринималось как провал, только она выучилась уживаться и с этим. Иногда попросту ничего нельзя было поделать.

Перемены – единственная постоянная, да только это не значит, что это ей должно нравиться. Впрочем, после реорганизации она по-прежнему проводила большой кусок своего дня в том же здании, пользуясь на входе той же карточкой-ключом, проводя ею по той же щели, что и десять лет назад, – невелика разница. Самым большим (и наихудшим) из нововведений был м-р Бурсток, которого наняли для «рационализации дел» и два месяца назад поставили на место миссис Эрроусмит, старой управляющей.

Эва была вполне уверена: в рационализацию дел не входило то, что он дважды в день заявлялся к ее рабочему месту (порой и чаще), склонялся так низко, что грудью упирался ей в затылок, и путал ее мягкие каштановые локоны. Не включало в себя и касаний ее руки или плеча, а то и колена при всяком удобном случае (когда они были наедине, всегда наедине). И, уж конечно, в нее не входило приглашать ее выпить с ним в конце каждого дня. Эва говорила ему – всякий раз, – что она не пьет, и это было правдой. Когда он настаивал, она объявляла, что торопится домой, чтобы успеть сменить сиделку, приглядывавшую за ее немощной матерью.

От этого навязчивых приглашений не становилось меньше.

И ответ был почти сущей ложью. Еще три года назад не был бы – когда Бесс была еще жива, только никто из коллег по работе не знал, что ее мать умерла. Капризная старушка оставалась Эвиной отговоркой от приглашений, когда ей хотелось избавиться от любого общения с работавшими рядом людьми.

Для них Эва была одинокой маленькой мышкой: жила с матерью, работала хорошо, никого не беспокоила, хотя могла бы и поменьше упрячиться из-за мертвых писем. Коллегам она была безынтересна, несмотря на привязанность. Никто не знал, сколько упорства ей пришлось проявить, чтобы оставаться на работе, когда Бесс оказалась прикована к постели, капризничала и стонала при сиделке, требовала объяснений, отчего это Эва не ухаживает за ней.

У Бесс были все основания (на долгом времени совместного житья) ожидать, что Эва ей уступит. Эва не пошла в университет, а нашла себе работу. Она не приняла приглашения

Тедди на бал последнего звонка, а осталась в безопасности дома. Она коротко подстригла волосы, как требовалось, чтобы их не затянуло в фильтр пылесоса. Эва не устояла ни в одной из битв воли – кроме этой. Она твердо отказалась бросить работу, вызывая наняв домашнюю сиделку, сносившую оскорбления и жалобы Бесс с улыбкой и лишними пятью фунтами в час.

Для Эвы стало делом пылкой гордости устоять. Она сохранила работу, уходила из дому как раз на столько, чтобы оставаться в здравом уме и не придавить подушкой лицо матери, когда озлобленная старуха спала, – во всяком случае, желания не возникало до самого конца. Это означало, что ей приходилось оставаться с несчастными неприкаянными письмами, отправленными в никуда, недоставленными, или отправлениями, никогда не бывшими особо хорошими. С тем, что она понимала, с тем, к чему чувствовала родство.

Это давало ей возможность находиться среди людей, не будучи одной из них. Красотка Элис на выдаче (флиртовавшая со Скоттом, водителем-доставщиком, хотя у нее был жених, Хью) выходила разгружать грузовики, складывая то, что потяжелее, кучками и горками, которые Меган, Тоби и Лу потом сортировали и разносили. Они приносили порции поменьше в Эвину норку, дарили ей улыбку, спрашивали: «Все путем, Эви?» – и она кивала, никогда не говоря: «Ненавижу, когда меня зовут Эви, так меня отец звал, когда вытворял ужасные вещи». Она держала это в себе, чувствовала это, но вслух не произносила. И долгое время этого вполне хватало, пока не наступила Перемена...

Она глянула на пластиковый ящик на скамье и принялась разбирать верхний слой его содержимого: уплотненный пакет без знака оплаты, среднего размера пакет с наполовину оторванной адресной наклейкой, простой почтовый конверт, измарианный неприглядными красными надписями: «АДРЕСАТ НЕИЗВЕСТЕН» спереди и «ВЕРНУТЬ ОТПРАВИТЕЛЮ» сзади. А еще и черной (но тоже неприглядной записью): «ПОЧТОВЫЙ СБОР НЕ ОПЛАЧЕН», – с линиями, прочерчивающими адрес: Джонатану Оуксу, Лодж-Лэйн, 12, Ситон, Бранскомб, Девон EX12?

«Нелюбезно, – подумала Эва, поджимая губы. – Но не так уж и трудно исправить». Она перевернула пакет, и из него сквозь прорезь поверху выпала небольшая пачка плотно сложенных листов. Странички персонального органайзера под черной скрепкой, крохотная голубенькая наклейка с надписью: *«Джонатан, нашла это в какой-то мусорной канцелярской лавке. Ты ведь увлекаешься такого рода утильсырьем, нет? (Громкий смех.) Жутко как-то, грустно. Твоя Стеф, целую»*. оборот последней странички заляпан красно-коричневыми пятнышками.

Вот честно, разве трудно было закончить цифровой ряд? Эва уже потянулась за перечнем почтовых кодов, но ее отвлекли звуки, донесшиеся из главного зала. Голоса, двое, орут. Женский громче и сердитее, чем мужской. Устоять было невозможно, и Эва осторожно подошла к двери, встала сразу за проемом, чтобы можно было видеть самой, но оставаться неприметной в сумеречном проходе.

Кожа м-ра Бурстока, монолитной глыбы в сером костюме и до блеска начищенных туфлях, покрывалась прелестным оттенком красного цвета, даже на голове под коротко стриженной черной щетиной. Зато женщина, оравшая на него... О! Тонкая, тоньше Элис, в черных джинсах и черной футболке под потертой красной кожанкой, а лицо до того бледное, что даже голубым просвечивает. Волосы у нее длинные и черные, воронова крыла, упивались светом и удерживали его. Губы ее, кроваво-красные, сузились от гнева, а глаза сделались темными, как самое тьма. Она была прекрасна и одновременно нагоняла страх, Эва при виде ее затаила дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.